

НАТИГ РАСУЛЗАДЕ

РАССКАЗЫ

Из книги «Бакинцы»

Мы так смеялись!

Еще со школы, когда мы учились в старших классах, пятнадцати-шестнадцатилетние подростки, мне было интересно наблюдать за ним: надо сказать, он был позитивным, добрым, добродушная улыбка светилась на его лице, когда он говорил с вами, еще даже не зная, что вы скажете ему, и эта улыбка располагала, хотелось говорить только хорошее и улыбаться в ответ, несмотря даже на то, что вы, может, приготовились сказать совсем противоположное – чего не бывает в среде беспокойных школяров. Он был крепким спортивным юношей, коренастый, с выпирающими, четко обозначившимися бицепсами, занимался в спортивной секции вольной борьбой, как и многие мальчишки его возраста в квартале, где он жил: фантазия в выборе вида спорта ограничивалась в его окружении этим видом спорта, считали его самым мужественным, самым мужским. В те годы не было большого разнообразия в мужских видах спорта: борьба (вольная и классическая) и бокс, о том, что существуют такие виды боевых искусств, как карате, айкидо, дзюдо, кунг-фу, ушу и другие, мы даже не слышали, все мы жили в те годы в закрытой, изолированной от остального мира демократии стране, где надо всем главенствовала цензура, запрещая все, что можно было запретить, и ничего запретного, можно сказать, не просачивалось в нашу страну, в наш город, в наши уши и в наши жизни. Но мы, мальчишки, мало задумывались об этом и, не зная еще мира, были уверены, что весь мир похож на наш – на наш город, нашу страну, и были в общем-то довольны своей жизнью, потому что по настоящему с жизнью еще не сталкивались.

И вот мой товарищ, со своей благодушной, заразной улыбкой, подкупавшей не только его – как правило – агрессивных сверстников, но даже опытных учителей, одноклассник, который был на год старше меня и, оставшись в второй год, благополучно скатился в наш класс, стал дружить со мной. Мне нравилось, что он такой сильный, самый сильный в нашем классе, а может, и во всей школе, выбрал в друзья именно меня, но у него было немало товарищей и из других классов, их всех, как и меня, притягивал его покладистый, мягкий характер.

Учился он из рук вон плохо, даже хуже меня, а я, можно сказать, вообще не учился, то есть не учился по настоящему, и каждый раз зная, что меня могут сегодня вызвать к доске отвечать урок, накануне зубрил намеченный текст, или формулы, или стишок, смотря по предмету, и, ответив и получив то, что мне было положено, тут же забывал вызубренное: это мне самому напоминало нечто скопидомское – я в те годы увлекался нумизматическим собирательством монет и собрал неплохую коллекцию старинных монет разных стран и, наглядевшись на новую, только что приобретенную, или выменную монету, клал её в специально заведенный для этой цели ящичек и забывал до следующего раза, когда требовалось вытащить коллекцию и меняться с другими любителями нумизматики. Вот так я учился в школе, и время показало, что я был не так уж и неправ, потому что подавляющее большинство знаний, которые я мог бы получить и не получил в школьные годы, как раз и не пригодилось мне в жизни.

Он же, мой друг, не мог даже того, что делал я – временно вызубрить и ответить, он был туп по природе, обладал нецепкой памятью и, отвечая урок, вечно крас-

нел, думая, что подводит учителя, и ждал подсказки, чтобы как-то выйти из неловкого положения, но подсказка тут же пресекалась ушастыми учителями, и он продолжал оставаться в своем неловком положении, и как то раз признался мне, что в такие минуты чувствует себя голым посреди одетых учеников класса. И при этом улыбался своей мягкой виноватой улыбкой. Я, как мог, поддерживал, подбадривал его, а мог я не очень умело, потому что меня порой сильно раздражала его абсолютная беспомощность, его тупость, отсутствие памяти, как у стариков, нежелание дать себе хоть немного труда пошевелить мозгами. И я не скрывал своего раздражения, иногда кричал на него, потому что мне было очень обидно и за него, и за себя, оттого, что я связался с таким болваном, который вот-вот мог остаться еще на один год в том же классе.

Но теперь, вспоминая его, я понял, почему он был мне интересен и почему я любил наблюдать за ним. Он был влюблен. И если б не это обстоятельство, не стоило бы о нем и вспоминать. Он был так трогательно влюблен, так трогательно и в то же время так по-взрослому, что чувство это в нем совсем не было похоже на чувство влюбленности у юношей, у которых в предмете их слепой влюбленности начисто, как правило отсутствовал секс, а в мыслях о сексе начисто отсутствовало духовное. О разврате и сексе всем нам в этом юном возрасте напоминали совсем другие женщины, обильные телесами, с большими грудями и коровьими лицами, лишёнными всяких эмоций, и они, конечно, были совсем не похожи на девочек из своего или соседнего класса, по которым каждый из нас тайне вздыхал и порой так тайно, что предмет вздыхания даже не подозревал, что по ней вздыхают.

Он часто мне рассказывал о ней, своей девушке, потому что влюбленному юноше непременно надо делиться, и для этого он должен был выбрать одного самого близкого друга, и этим самым близким был я. Я покорно выслушивал его любовные излияния, и я, конечно, знал эту девушку из параллельного класса.

Они встречались. Но встречались не в обычном понимании этого слова, когда молодые люди встречаются наедине или одни гуляют по вечерним улицам и порой целуются, когда на этих улицах не бывает прохожих. Да, дни моей юности совсем не похожи на наше время, в котором я живу уже далеко не в молодом возрасте, уже давно расставшись и потеряв своего друга юности.

Он был из небогатой семьи, имел братьев и сестер, но ни с кем из родных не был так дружен, как со мной. Впрочем, в то время все были небогаты, и быть богатым было даже опасно – каралось законом – откуда денежки? – но были, конечно, зажиточные семьи, как правило, известных деятелей науки, культуры, академиков и прочее, где дети могли себе позволить немного больше, чем дети из незажиточных семей средней прослойки: фантазии богачей особо нельзя было разгуляться: набитый холодильник и новая модная одежда, что были предметом зависти многих вокруг.

Он каждый день после школы провожал её домой, который находился совсем недалеко и особо поговорить ему с ней не всегда удавалось. Он брал её портфель, и они шли рядом, и это называлось ухаживанием. Иногда шли молча. Иногда он ждал её возле школы, когда в нашем классе уроки заканчивались раньше, чем в её. Все в школе знали, что она его девушка, а он – её парень. Это продолжалось года два, и это был большой срок, потому что наши мальчишки за это время обычно успевали «полюбить» и «бросить» нескольких девочек, кто-то нравился, потом разонравился, но предметы вздыханий часто даже не знали, что их уже бросили, как были в неведении, так и оставались. И это тоже было очень трогательно, потому что мальчишеское чувство, задыхаясь от непризнания и неумения признаться предмету своей любви, часто не выдерживало и, не подпитываемое взаимностью, медленно исчезало, умирало в душевных судорогах, о которых никто не догадывался, как и о невидимых миру слезах. Подростки часто меняют в школьные годы и близких друзей, вдруг отворачиваются от них, избрав другого товарища, думая, что со старым другом они слыш-

ком уже много знают друг о друге, и теперь им говорить почти не о чем, а говорить хочется.

Мой друг был не из их числа. Разговоры о своей – до сих пор не могу понять: разделенной? – любви он мог вполне раскованно вести только со мной, он делился со мной всем и советовался так, будто я был опытным сердцеедом, тогда как опыта в общении со своими сверстницами у меня было еще меньше, чем у него, а точно сказать – вовсе не было. Он пересказывал мне все, что он говорил ей в последнюю их встречу (то есть, во время провожания домой после уроков имелось в виду), вспоминал, что она ответила и с каким выражением лица она произнесла ту или иную фразу, как, сказав какое-то слово, она вдруг скосила глаза, желая рассмешить его, и как он на самом деле рассмеялся, потому что это было чертовски мило, и как, расставаясь возле её подъезда, он передавал ей её портфель, и как, передавая, задержал, шутя, в руке, и как она потянула, а он не отпускал, и она, улыбаясь, попросила: «Отпусти», и как это тоже мило прозвучало, так мило, что до сих пор звучит это её слово у него в ушах. «Отпусти», – сказала она, надув капризно губки, и он отпустил.

– А вчера, – делился он со мной таинственно, как делятся важной новостью, – она назвала меня дурачок... Ой! Мы так смеялись!

Это была его любимая фраза, над каждой её мало-мальски смешной шуткой, способной у нормального человека вызвать – и то с натяжкой – легкую ухмылку, он, мой друг, готов был смеяться до упаду, только потому что это вылетело из её уст. Хотя, не сказал бы, что с чувством юмора у него было небогато.

И он повторил это слово несколько раз: «дурачок, дурачок», стараясь подражать её легкой и милой шепелявости. Я, стараясь не оставаться безучастным, слегка похихикал и спросил, изо всех сил показывая свою заинтересованность в их отношениях, хотя такие отношения мне были скучны; мне, как и большинству мальчишек-старшеклассников нашей школы, больше по душе были крутые бедра нашей школьной уборщицы и огромные её груди, просящиеся на волю из узкой черной кофточки, той самой уборщицы, за которой мы подглядывали, когда она переодевалась в крохотной кладовке, и которую представляли в обнаженном виде и фантастических, невероятных позах, когда занимались мастурбацией, оставшись наедине со своими мечтами. Нас, невлюбленных, точнее – пока невлюбленных мальчишек больше интересовали более прозаические вещи.

– А что ты сказал, когда она назвала тебя так? – я не хотел повторять это слово, что ему так понравилось, не видя в нем ничего примечательного или смешного.

– Я сказал, когда мы поженимся, я куплю себе новый костюм, – ответил он, явно довольный моей заинтересованностью.

– А она? – уже вытягивая из себя клещами свою остывающую заинтересованность, спросил я.

– А она мне говорит, – тут же подхватил он, будто ждал этого вопроса. – Сколько лет ты будешь таскать эти брюки?

Я невольно глянул на его брюки. Да, брюки были, как говорится, не первой свежести, хотя с легкой руки классика это относилось к осетрине: на коленях стертые пузыри, края карманов уже требовали серьезной чистки, обшлага потрепаны, да, брюки настоятельно просились в мусорку. Но и я был не лучше одет. Это были годы, когда средняя прослойка населения редко когда имела что-то лишнее: лишние деньги (которые никогда не оказывались лишними), лишние бутылки спиртного в домашних барах, как показывали в американских фильмах, а мы смотрели, разинув рты, лишнюю одежду... Человек, имевший несколько костюмов, был приятным исключением в нашей среде, вызывавший зависть. А в семье моего друга было еще пять или шесть братьев (до сих пор точно не знаю) и двое из них по сложению, по комплекции, по размеру одежды были схожи как близнецы, и потому часто носили одну и ту же одежду – передавали друг другу брюки, пиджаки, рубашки – это была серьезная

экономия для многодетной семьи. Наша семья мало чем отличалась от, как говорится, среднестатистической семьи, за исключением того, что я был один в семье.

Он передавал мне почти все их разговоры, удачное – в хорошем настроении – или неудачное на сегодняшний день общение – хмурый, малоразговорчивый жалобщик, передавал, как она сказала ту или иную фразу, как пошутила, какое выражение лица у неё было при этом, как она шепелявила, а он её передразнил, за что получил от неё легкого тумака в бок, как она что-то прошептала, а он переспросил. И она сказала что-то расхожее в то время среди школьников, вроде «разуй уши», и как «мы так смеялись»!

Своей интуицией, которая в отличие от интеллекта во мне была неплохо развита, я понимал, что мой друг теряет свою индивидуальность, еще даже не приобретая её, что он полностью растворяется в ней, в предмете своей, я бы сказал, слепой и бездумной любви, и это мне не нравилось, я хотел бы, чтобы он был личностью, хотя и это плохо понимал, но чувствовал, что он полностью растворяется, и если так пойдет и дальше, если ему повезет и мечта его жениться на ней, предмете своей яркой и жгучей любви, сбудется, я потеряю друга. Он полностью растворялся в ней. Помоему, это было плохо, это было ужасно, он не мог нормально думать ни о чем другом. Но в то же время это было... прекрасно. Это было именно то, чего я не умел, чего не мог, что не вошло в мое сердце, в чем мне не повезло, хотя влюблялся я часто, почти в каждом очередном классе, и пассии, которых я избирал, знали об этом, потому что я не хотел вздыхать в одиночку, как многие мальчишки, я был нахален, но нахален приступами, когда накатит, и тогда я предлагал своей несовершеннолетней избраннице встретиться после уроков и пойти, скажем, в кино, или еще лучше – в нагорный парк, где можно было уединиться и куда приходили многие молодые парочки, чтобы уединиться, но такое предложение считалось неприличным, непристойным, и девочка обижалась и жаловалась. Тем не менее, я его делал, это предложение. Разумеется, без особого успеха, зато жалоб на меня со стороны родительниц была масса. Какой наглец! – то и дело слышал я со стороны учительниц, учителя мужского пола помалкивали.

Мой друг был старше меня. А выглядел старше и себя самого года на три, ему вполне можно было бы дать лет двадцать. Он уже брился в отличие от многих мальчиков, у нас только пробивался пушок, а у него был общий с отцом прибор для бритья, и иногда, когда у него была запущена четырех-пятидневная щетина, он мне горестно сообщал:

– Она меня отчитала сегодня, сказала небритый не подходи ко мне, – он печально покрутил головой. – Черт, и почему я не побрился!? Отец занял прибор, а я уже спешил в школу.

– Ничего, – утешал его я. – Еще побреешься.

Я старался пошутить, но вышло грубо, без учета его подавленного настроения.

Он посмотрел на меня таким жалостливым взглядом, что у меня защемило сердце, но тут из школы, возле дверей которой мы стояли, вышла наша уборщица, я окинул её взглядом, и настроение у меня резко поменялось.

– Как ты думаешь, – заныл он, – она простит меня?

Порой, провожая её, он приглашал и меня пройтись вместе с ними от школы до её дома, вопросительно поглядывая на неё – не возражает ли? – и я иногда ходил, и тогда он говорил без умолку, поглядывая то на неё, то на меня, а я изредка вставлял слово, а она обычно молчала, усмехалась, улыбалась, но почти не говорила, когда они подходили к её дому, я кивал им на прощание и уходил в свою скучную, без влюбленности жизнь.

Мы закончили школу, я уехал из города, в котором почти безвыездно жил все эти годы, если не считать пару-тройку летних выездов на отдых, на природу...

Она, любовь моего друга, была единственной дочерью известного скульптора,

памятники которого были в нескольких местах нашего города, это была известная, элитарная и богатая по тем временам семья, и ей быстренько приискали достойную пару, молодого человека, способного карьериста, работавшего в каком то министерстве и твердо стоявшего на своих ногах и трезво смотрящего в будущее...

Мой друг, когда она объявила ему, что их школьная дружба окончена и пусть он оставит её в покое, объявила спокойно, с улыбкой даже и... Мы так смеялись!.. Но это была далеко не шутка, за которую он принял её категорическое заявление и готов был рассмеяться – до того нелепо для его ушей прозвучало оно, её заявление... Он уже давно не мыслил своей жизни без нее, и сказал ей об этом, предложив жениться, и тогда она сказала ему, что приходили сваты и она выходит замуж, что она все их общения в продолжение их учебы в школе воспринимала несерьезно, это была для неё просто дружба двух школьников, ни к чему не обязывающая, это же везде и всюду, школьники мальчики и девочки дружат между собой, пока учатся вместе, а потом их дороги в жизни расходятся, что тоже вполне естественно...

Но для моего друга это не было естественно, это было очень даже противостоестественно. Он, позабыв гордость и достоинство, в которых у него никогда не было недостатка, ходил к её дому, стоял часами, поджидая, когда она выйдет, и однажды дождался, что она вышла из подъезда не одна, а с вполне респектабельным на вид молодым человеком, который усадил её в машину, аккуратно захлопнул за ней дверцу, вежливо и аккуратно, стараясь не сильно хлопать, чтобы дверца прослужила как можно дольше, сам неторопливо сел за руль, и машина отъехала, оставив моего друга провожать её взглядом.

Когда я вернулся в свой город, как говорится – со щитом, успешно став студентом в столице, огромном мегаполисе, нам уже провели телефон, но позвонить мне пока было некому, и потому я направился к нему домой, повидаться со своим другом.

Соседские ребята, вечно околачивавшиеся на углу его дома и хорошо его знавшие, направили меня в продуктовый магазинчик на соседней улице. Что он там делает? – подумал я. – Ведь за продуктами у них, насколько я знаю, ходит мама...

Но он заходил туда не за продуктами, это был не только маленький вонючий магазинчик (после огромного города, где я провел больше месяца, мне многое здесь теперь казалось маленьким и вонючим), но и известная всем выпивохам забегаловка, где хозяин в неопрятном, грязном, когда то бывшим белым халате, разливал желяющим водку, требуя деньги вперед.

Я увидел его как раз в тот момент, когда он что-то просительно произносил, виновато глядя на хозяина, мне показалось – выклянчивал. Хозяин возражал. Этот продолжал просить. Тот продолжал возражать. И тут он увидел меня. Он вздрогнул, отвел взгляд, будто не веря, что это я перед ним, но тут же опять глянул на меня уже долгим и почему то заискивающим взглядом, который был машинальным продолжением взгляда, что бросал он на хозяина магазина.

Этот взгляд ударил мне в сердце.

Мой друг запил.

И он мне все рассказал, мы сидели на скамейке в парке, куда любили ходить в свои школьные годы, совсем недавние... И он рассказывал мне, уже выпивший, уже непривычно заплетавшимся языком про все, что произошло во время моего отсутствия, и этот рассказ отличался, очень отличался от тех веселых, несмешных, но радостных и полных надежды рассказов, когда «Мы так смеялись!», он рассказывал, как каждый день, порой даже по ночам стоял возле её дома недалеко от школы и иногда видел, как она подъезжала поздно вечером со своим женихом, ласково прощалась с ним, а он, перехватив дверцу машины, которую она хотела захлопнуть, осторожно закрывал её и кивал ей на прощание. И он видел, как она в свадебном наряде усаживалась теперь уже в нанятую для свадьбы машину рядом с ним, мило улыбалась

и что-то говорила ему, наверняка слегка шепелявя и «Мы так смеялись!», и он рассказывал мне, как она резко с ним обошлась, когда поначалу, не приняв всерьез её слова, он продолжал подходить к её дому, как она категорически запретила ему шляться сюда и ходить за ней следом, выслеживать и следить, как шпион, так и сказала – как шпион. И он перестал ходить. Он рассказывал мне все это, размазывая пьяные слезы по небритым щекам, и порой несдерживаемые короткие рыдания вырывались сквозь маловразумительный рассказ...

Как я мог его успокоить? Любые слова были бы простым сотрясанием воздуха... Я, пока был в городе, старался отучить его от пьянства, но эти благородные уроки я вынужден был проводить за столом и выпивать вместе с ним, совсем не веря и не думая, к какому трагическому концу его каждодневные и безмерные возлияния могут привести; я был молод так же, как и он, и не думал о плохом, считая, что плохое может случиться с кем угодно, но только не с нами... Но его пьянство неотвратимо и стремительно переходило в болезнь, в алкоголизм, учитывая его молодой, не совсем еще окрепший организм, который нетрудно было разрушить...

Потом долгое время наши пути не пересекались, я обрастал делами, устраивал свою жизнь, и моя жизнь разительно отличалась от его жизни, а я – от него, которого я порой случайно встречал, как правило – пьяным, обкурившимся дешевым наркотиком, который не был редкостью в нашем городе, пьяным, подпивавшим стенку в окружение таких же несчастных бездельников и наркоманов, как и он сам. Однажды он, завидев меня, подошедшего издалека, отвернулся и зашел в какой-то закуток, сделав вид, что не заметил меня. Я не стал напрашиваться, понимая, что ему сейчас не хочется меня видеть, я прошел мимо, а вслед мне раздался пьяный смех его собутыльников, игравших в нарды, и смех этот, по всей видимости, не был вызван ничем смешным, и я прошел мимо, вспомнив в очередной раз «Мы так смеялись!»...

Прошло, кажется, лет десять, или больше, и я случайно повстречал его рано утром на одной из центральных улиц города. Это было на самом деле случайно, потому что все эти годы, хоть мы и жили в одном городе, но ходили по разным улицам. А вот сейчас увиделись. Он, заметив меня, как мне показалось, немного смутился, но тем не менее сам подошел ко мне, по-моему даже немного бравирюя своим затрапезным видом, словно желая подчеркнуть, что не это для него главное, неважно, как выглядишь, а важно... не помню тогда, что было важно, но вид у него был именно такой, подчеркивающий. За его спиной распахнутая дверь забегаловки, открытой, несмотря на раннее утро, впрочем, это логично: опохмеляются по утрам.

– Как дела? – спросил я. – Как ты? Сто лет не виделась.

– Да, – сказал он. – Время идет...

Мы постояли молча, не зная, о чем говорить, оба испытывая неловкость, и я вспомнил нашу юность, когда мы, закадычные друзья, не могли наговориться. Я думал, он попросит денег, и был готов к этому, и был бы рад хоть так помочь бывшему товарищу, но он все молчал, а за спиной его маячила темная пустота зазывно открытой двери в забегаловку. И в эту минуту оттуда высунулась мужская голова и, увидев его, тихо свистнула. Он оглянулся, кивнул свистевшему приятелю и сказал мне:

– Еще увидимся...

– Да, – сказал я. – Еще увидимся.

И повернулся, чтобы уйти, когда он вдруг неожиданно окликнул меня.

– Ты знаешь, у нее трое детей, – сказал он. – И все трое учатся в нашей школе.

Я вежливо покивал, еще не понимая, о чем он говорит, и пошел своей дорогой.

И только через какое-то время, вспомнив его слова, я вдруг понял, что он говорил о ней. Боже мой! Так, значит, все эти годы он не упускал её из виду, узнавал о ней, может, ходил посмотреть на неё издали, вспомнить её, не переставал любить её...

А потом все реже я видел своего бывшего школьного друга, мне уже нечего

было делать в том квартале, в котором он продолжал жить, как и в юности, и постепенно я забывал о нем. Помнил только его такую наивную и такую большую любовь, и часто думал – как же это хорошо, когда у человека в жизни было такое сильное, пронзительное, всеобъемлющее чувство, как же это хорошо, когда он познал это, в отличие от многих и многих людей, и это был подарок Бога, когда ощущаешь себя настоящим человеком.

Потом я узнал, что мой друг скончался, скончался, когда ему было немногим больше тридцати, умер от традиционной болезни алкоголиков, от цирроза печени, не предпринимая никаких шагов, чтобы избавиться от своей болезни, избавиться от такой жизни, изменить свою жизнь, и у меня было такое ощущение, что он сам добровольно хотел покинуть этот мир и ничего не хотел делать, чтобы продлить свое пребывание среди грешных людей, не познавших настоящей любви. Может, ему было скучно с нами?.

И иногда, вспоминая моего школьного друга, я думаю, какой же чистой, нежной, трепетной любовью надо любить, какой большой, не вмещающейся в сознание, а только в сердце, любовью надо любить, чтобы посвятить свою жизнь и свою смерть этой любви... Несмотря на свои юные годы и на неокрепший интеллект, он еще тогда осознал главное в жизни, главное, для чего приходит человек на эту землю, понял всей своей распахнутой навстречу несбывшемуся счастью душой... И я завидую ему, чувствуя порой, какая жизнь бывает безысходно пустая без этого главного, для чего и приходим мы на нашу землю, мы, грешные, на эту грешную землю. И тогда я, забыв все свои дела, всю суету, важные деловые встречи, работу, пустые речи... иду к нему на могилу. Многие из его семьи уже умерли и лежат рядом с ним, покинувшим эту жизнь таким молодым. На его простой каменной плите нет портрета, только имя и даты, две даты, между которых уместилась его короткая жизнь и непонятно как уместилась такая большая любовь.

Отъезд

В первый же день пребывания в этом городе ему удалось сцепиться с полицейским. Поначалу он тузил стража закона, который как ему показалось, не так как надо стоял на страже закона, потом подбежали другие стражники, и ему пришлось нелегко, но вовремя вспомнил народную поговорку, которую часто слышал дома: «осторожность украшает джигита», вспомнил и, вырвавшись из цепких рук с дубинками, побежал так, что пятки сверкали. Те с дубинками, разумеется, побежали вслед за ним, чтобы продолжать стоять на страже закона (хотя уже конечно не стояли, а бежали), но догнать не могли, потому, как он бежал, по словам классика мировой поэзии «быстрее, чем заяц от орла».

И вот – убежал. Опять же помогла поговорка, которую он часто слышал дома, – подумал он. – Нет ничего лучше моего города.

Он зашел в кафе, после продолжительного пробега и непродолжительного мордобоя разыгрался аппетит. Очень хотелось есть. Он вошел и огляделся. Здесь надо было стоять, и это было некстати, было досадно. Ему хотелось посидеть и расслабиться, но есть хотелось еще сильнее. Он подошел к стойке бара и показал буфетчице пальцем на большое красивое пирожное-безе, организм требовал сладкого, и с полученным пирожным и чашкой кофе благополучно добрался до столика, возле которого стояла только одна девушка, тогда как возле других столиков принимали пищу внутрь по двое, а то и по трое посетителей. Он поставил на столик то, что держал в руках, а именно чашку и блюдечко с пирожным, бросил в кофе сахар и стал размешивать его, поглядывая по сторонам. И тут заметил, что девушка за его столиком в отличие от него, озирающегося по сторонам, смотрит не отрываясь, прямо ему в лицо, а конкретнее – только в правый глаз. Он подождал, когда рассматривание с её

стороны его глаза прекратится, но, не дождавшись, спросил:

– Что?

– У вас глаз сильно подбит, огромный синяк. Вы упали?

– Упал? – переспросил он. – Вы что, не допускаете, что в моем возрасте можно просто подраться? – нервно спросил он. – Я кажусь вам настолько старым, что обязательно падать, чтобы нажить синяки?

– Не хотела вас обидеть, – сказала робко девушка. – Но вам надо к врачу. Обязательно.

– Ладно, разберемся, кому куда надо... – пробурчал он, уже более мягким взглядом оглядывая девушку.

– Я врач, – сказала она. – Давайте я посмотрю...

– Не хочу утруждать, – сказал он, отворачиваясь от неё подбитым глазом.

Но она уже подошла к нему вплотную, доброжелательно приговаривая.

– Давайте, давайте, я просто посмотрю, не бойтесь.

– Я вас не боюсь, – сказал он просто.

– Извините меня за этот тон, это профессиональное, просто я работаю в детской поликлинике и своим маленьким пациентам то и дело говорю: не бойся.

Говоря это, она уже деловито осматривала его пострадавший глаз и расплывшийся синяк вокруг него.

– Ничего страшного, – резюмировала она. – Могло оказаться хуже. А так, просто приложите лед, пройдет...

– Ладно, разберемся, – пробормотал он вместо «спасибо», и самому сделалось несколько неловко, но постарался не показывать виду.

Но она заметила и, поколебавшись, спросила:

– Вы почему такой сердитый?

– Потому что я ненавижу этот город, – ответил он тут же, будто ждал этого вопроса с её стороны.

– А вы приезжий или живете здесь?.. За что ненавидите этот город?

– За то, что это не мой город, я не люблю чужие города.

– Зачем же вы приехали? Извините моё любопытство, но вы такой странный, то есть, я хотела сказать – интересный... Хочется узнать.

Он теперь сам был не прочь поговорить с ней, но прежде чем начать, стал внимательно рассматривать её и кажется остался доволен тем, что увидел и здоровым и травмированным глазами.

– Я должен был покинуть свой родной город, – постепенно все охотнее ввязываясь в разговор, ответил он, продолжая присматриваться к собеседнице, и чем внимательнее он её рассматривал, тем больше проникался симпатией к незнакомке: миловидная, хрупкая на вид брюнетка, большие глаза, распахнутые на него по-детски доверчиво, словно в ожидании хорошего сообщения, маленький рот, пухлые губы, минимум косметики.

– А что случилось? – спросила она с нескрываемым любопытством, еще больше раскрыв глаза, в которых загорелись искорки, забегали чертики, запрыгали тысячи вопросов в ожидание его слов.

Он усмехнулся вполне уже доброжелательно.

– Теперь я спрошу, – сказал он. – Можно?

– Да, – сказала она. – Только я не буду отвечать, если вопрос нескромный.

– Сколько вам лет? – спросил он, уже откровенно улыбаясь её наивности, наивному виду, наивному разговору, что все больше и больше ему нравилось в ней.

– Нет, не скажу, – она помотала головой, и короткий хвостик за её спиной, и челка на лбу у неё тоже коротко отрицательно помотали. – Двадцать семь.

И тут же открыто рассмеялась над своим таким откровенно противоречивым ответом.

«Я ровно в два раза старше неё», – подумал он, подумал просто так, как говорится, подумал бездумно, констатируя никому не нужный факт.

– Ну, раз так, могу рассказать, – сказал он.

– Что значит – раз так? – спросила она.

– Раз вы совершеннолетняя, – пояснил он шутливо.

– Да, – звонко и коротко рассмеялась она. – И уже давно...

– Хотите, выйдем, прогуляемся, – предложил он.

– А вы не будете доедать свое пирожное?

– Буду, – сказал он. – Мне необходимо сладкое. Особенно после стресса. Организм требует. Хотите, возьму вам тоже?

– Нет, спасибо я не люблю сладкое...

Они вышли из кафе вместе. Она ему уже откровенно нравилась, в чем он себе признался и уже стремился как мог завоевать её симпатию. Однако с её стороны симпатия уже имела к нему, несмотря даже на подбитый глаз и разбойничье выражение асимметричной – благодаря полученному мордобою – физиономии.

– Здесь рядом красивый сквер, – сказала она. – Если хотите, мы можем там посидеть.

– А вам на работу не надо? – осторожно спросил он, не надеясь, что она может пожертвовать своими рабочими часами ради него, но все же...

– Я уже отработала, – весело сообщила она. – Сегодня у меня первая смена.

Но не успели они сделать и десяти шагов в сторону видневшегося отсюда уютного зеленого сквера, как послышались недоброжелательные возгласы и топот ног, обутых в казенные сапоги.

– Вот он! Держи эту сволочь!

Двое полицейских, очень недовольных тем, что утренней жертве удалось убежать от них недостаточно избитой, приближались к нему на крейсерской скорости.

– Встретимся на вокзале! – крикнул он девушке, уже убегая. – В девять вечера!

– Почему на вокзале?! – крикнула она вслед ему, убегаящему.

– Потому что это единственное место, что я знаю в вашем городе! – крикнул он в ответ и уже исчезал за углом ближнего дома, когда она решила продолжить диалог в экстремальных условиях.

– Почему в девять?!

Но ответа не последовало. Ответчик убежал.

Но тем не менее, несмотря на всякие экстремальные условия и положения, без четверти девять он был в зале ожидания железнодорожного вокзала, с которого только сегодня утром выходил в этот незнакомый город, сразу же ему не понравившийся. Он сидел на вокзальной скамейке, поджидая её, и когда на электронных часах появились цифры 9.35, поднялся, чтобы пойти поискать ночлег в какой-нибудь ближайшей гостинице, хостеле, если удастся найти. И выходя из вокзального здания, столкнулся с ней в дверях.

– О! – воскликнул он невольно. – Я уже думал, вы не придете.

– Я спешила, как могла, – и в самом деле запыхавшись, проговорила она. – Надеюсь, здесь никто за вами не погонится?

– Какая же настырная полиция в этом городе, – сказал он, улыбаясь ей.

– Да, – ответила она. – И куда мы пойдем?

Это прозвучало с прямолинейностью человека, готового на все. Он удивленно посмотрел на неё.

– Просто хочется поскорее услышать обещанный рассказ, – произнесла она, оправдываясь.

– Понятно, – сказал он. – Но меня сейчас больше интересуют поиски ночлега.

– Поиски ночлега, – повторила она и неожиданно для самой себя предложила.

– Вы могли бы остаться у меня.

– Правда? – сказал он, глядя ей в лицо.

– И я тогда бы могла заняться вашим травмированным глазом, – сказала она и прибавила: – Если хотите, конечно...

– Хочу, – сказал он, – но прежде хочу вас спросить, почему вы так сразу... сразу пригласили меня к себе?

– Потому что... я уже говорила, хочу услышать вашу исповедь, как вы очутились в нашем городе, – неискренне и полушутя призналась она, но не удовлетворила его своим ответом, она почувствовала, что он ждет продолжения её признания и прибавила теперь уже откровенно шутливо: – И потому еще, что у нас в городе мужчины дефицитный товар, на восемь женщин один мужчина, – и рассмеялась сама своим словам.

– Не может быть, – сказал он. – Город женщин.

– Да, это так, – подтвердила она свои слова.

– Ну, в таком случае, пойдете к вам, – проговорил он, соглашаясь. – Много народу у вас дома?

– Нет, не много, – сказала она. – Совсем немного. Я одна.

На улице она взяла его под руку, и они быстро зашагали к автобусной остановке.

– Теперь главное, чтобы нас не поймали, – шутливо произнесла она.

Когда они пришли, она первым делом тщательно осмотрела его поврежденный глаз, промыла, дала ему лед из морозильника, завернутый в целлофан.

– Приложите к глазу, – сказала она. – А я пока заварю чай... или кофе хотите?

Тоже есть...

– Нет, чай, – сказал он.

– А поесть?

– Очень хочу. А что у вас?..

– О, вы, оказывается привередливый, а? Или нет? У меня вчерашние котлеты с вчерашним же пюре. Разогрею, если хотите.

– Не надо, – сказал он.

– Не хотите?

– Не надо разогревать.

Она смотрела, как он ест, улыбалась, ей было приятно, что он ест с аппетитом её готовку, да к тому же несвежую, вчерашнюю, да к тому же холодную, не разогреваю.

– А хотите водки? – осторожно спросила она. – У меня есть, немножко... купила для полуспиртового компресса... Бывает нужно иногда...

– Я не пью, – сказал он не сразу, проглотив прожеванную еду.

– Что, совсем не пьете? – удивилась она.

Он кивнул, продолжая есть.

– Как это приятно, – произнесла она с истинным удовольствием. – Встретить в наше время мужчину-трезвенника... Вы наелись? Еще положить?

– У вас есть что-нибудь сладкое? – спросил он. – Мне после еды необходимо сладкое... что-нибудь.

– Есть шоколад, – сказала она. – С чаем?

– Нет, без чая.

Она не отрывала глаз от него, искренне улыбалась каждому его жесту, а он отломил половину плитки и протянул ей, и этот жест, такой простой и непринужденный, тоже ей очень понравился.

Он оглядел комнату маленькой двухкомнатной квартирки, в которой они сидели, было видно, что многое здесь требует основательного ремонта, покраска стен поблекла со временем, паркет был местами стерт, весь в темных пятнах, а на потолке красовалось большое овальное пятно, свидетельствующее о неаккуратности

верхних соседей. Но у одной стены были книжные полки, начинающиеся с пола и почти до потолка, тесно уставленные книгами.

– О! – воскликнул он. – У вас книги...

– Да, люблю читать, – сказала она.

– Вас надо занести в красную книгу, как вымирающий вид читателя, – пошутил он.

Шутка ей понравилась, она звонко рассмеялась, потом помолчала и тоже стала рассматривать книжные полки.

– Расскажи о себе, – попросил он. – Мне интересно узнать.

– Сначала ты, – сказала она и несколько капризно прибавила. – Обещал же...

Он почти не заметил, как она естественно перешла в их общении на «ты», но простота этого перехода была ему по душе.

– О том, как и почему я очутился в вашем городе? – уточнил он. – Я расскажу, но вряд ли тебе это понравится...

– Все равно, – сказала она торопливо, почувствовав легкий тревожный укол в сердце, боясь, что то, что он расскажет, может разрушить его уже понравившийся образ, который она успела себе создать и домыслить.

– Ладно, – несколько обреченно произнес он, и она вновь почувствовала легкий укол нехорошего предчувствия. – Я тебя предупредил.

Она послушно покивала, соглашаясь.

– Дело в том, – начал он свой рассказ, – что я в своем городе сильно избил одного... одного... ну как бы тебе сказать?... одного очень подлого человека... Нет, не человека... подонка, ублюдка...

Она не перебивала, хотя уже возникали вопросы.

– Этот человек очень подло поступил с моим близким другом, и в результате его подлого поступка с моим другом случился инсульт полгода назад, и теперь он прикован к постели, нет, сейчас уже к инвалидному креслу, речь отнялась... У него был магазин, и он неплохо зарабатывал, а этот негодяй посылал к нему своих людей, головорезов, вымогал деньги... Этот подлец – начальник полиции одного из районов нашего города... Он шантажировал моего друга, разорил его, отнял бизнес и вот довел его до такого состояния... У него никого нет из близких родных, одна только дочь... Я буду очень краток, потому что не могу спокойно рассказывать эту историю...

– Хорошо, – послушно кивнула она, внимательно слушая.

– Жена их бросила года два назад, уехала и вышла замуж в другом городе и ничего о себе не дает знать... Одна только шестнадцатилетняя дочь у моего друга. Поздний ребенок... Я их часто навещал, помогал как мог, и к девочке относился как к родной, опекал её, но не уберег... Она однажды пошла к тому подлецу, вернее, он её зазвал вроде бы по делу её отца... и... изнасиловал её... Девочка была в шоке... Тогда я выследил его... это было нелегко, он всегда был с помощником, с шофером, но все таки удалось... я выследил его и избил как собаку, переломал ему ребра, разбил голову, ну и... Он был в коме, когда я убежал из города, меня стали разыскивать, всю полицию подняли на ноги... – он замолчал, понутив голову, машинально поглаживая скатерть на столе, и тут поднял взгляд и в упор посмотрел на неё. – Считаешь, что я поступил неправильно?

– А у вас, – снова перешла она на «вы», проигнорировав его вопрос, – у вас у самого есть семья, жена, дети?...

– Нет, у меня нет семьи, я один. Но у меня есть хорошие друзья. И один из них – этот мой несчастный друг, которому я хотел помочь, и, может быть, сделал еще хуже... но я не мог не отомстить за него... он всего на три года младше меня, и вот такая тяжелая болезнь... Не знаю, выживет... А что будет с девочкой?... – он помолчал, посмотрел на неё. – Однажды ночная сиделка предупредила меня, что не сможет прийти, и я остался у них... присматривал за ним, своим другом... Утром я пошел

в ванную, взял его бритву, стал бриться, предстояла важная встреча с заказчиком, надо было выглядеть... Я брился, и тут чувствую – кто-то за спиной стоит, оборачиваюсь – его дочь, стоит за моей спиной и передразнивает мои жесты, как я бреюсь, потом показала мне язык и исчезла, так и не понял, что она хотела сказать, она была подавлена с тех пор как заболел отец, легкая форма депрессии... В тот день она и пошла к этому мерзавцу, надеясь, наверное, на какую-то помощь с его стороны, навивный ребенок... А мне ничего не сказала... может, ей не понравилось, что я привожу себя в порядок, тогда как её отец... Не знаю... – он помолчал и долго не нарушал молчания, потом вдруг, словно вспомнив, что он не один и она его слушает, горько усмехнулся: – Рассказ, наверно, смахивает на мелодраму: мерзавец-полицейский, обиженная сирота, борец за справедливость? Но это жизнь, наша жизнь, в которой все может случиться, и хорошее, и плохое. Со мной случилось плохое, и если б я остался в своем городе, меня точно бы уpekли в тюрьму и очень надолго... Ну как, расстроил тебя мой рассказ?

Она молча помотала головой, и нельзя было понять, расстроил или нет.

– А я так люблю свой родной город, – признался он, – теперь не знаю, смогу ли я скоро вернуться туда...

И тут, совершенно неожиданно для него, она протянула руку и прикрыла ладонью его побитые, изуродованные костяшки пальцев, и долго так держала его руку, пока он против воли не нарушил молчания.

– А как вас... тебя зовут? – спросил он, не отнимая руки и чувствуя токи и тепло её мягкой ладони. Это тепло благотворно разливалось по его груди, поднимаясь от руки, от локтя, разливалось по всему телу, охватывало сердце, успокаивало, убаюкивало, стирало тревогу и беспокойства последних дней.

– Меня зовут Катя, – сказала она.

Он подождал, не последует ли встречный вопрос, но вопроса не последовало.

– А я Закир, – сказал он и медленно убрал руку, дальнейшее пребывание его руки под её ладонью, хотя и было приятно ему, но уже могло показаться смешным.

А он не любил казаться смешным. Он еще не достиг того уровня, когда можно было не бояться казаться смешным.

Когда он проснулся, её уже не было рядом. Он провел рукой по постели, обнаружил её отсутствие, немного огорчился, но подниматься не хотелось – сказывалась усталость, накопившаяся за последние дни, все тело болело, и он, немного прислушавшись к себе, решил, что было бы разумнее всего в данном случае продолжать спать, и так и поступил, вновь погрузившись в сон, в продолжение ночного сна, такого замечательно глубокого, как смерть.

Когда он проснулся, будильник на тумбочке возле кровати показывал час дня. Кати все еще не было дома. Он прошел в маленькую ванную комнату, умылся, в спальне подошел к окну и прямо напротив дома обнаружил небольшой продуктовый магазин, на котором горела неоновыми латинскими буквами надпись «Маркет». Он предварительно заглянул в почти пустой холодильник, оделся и спустился вниз в магазин, оставив дверь незапертой, мимоходом подумав о том, что вряд ли эта квартира может соблазнить воров, здесь нечем был поживиться. Из магазина он вернулся нагруженный пакетами с продуктами, купленными наугад, не зная, одобрит ли она его покупки, но взял в первую очередь все самое необходимое, не забыв захватить сладости, мороженное. «Должна остаться довольна», – подумал он, раскладывая продукты на полки в холодильнике. Уезжая из своего города (вернее – убегая, потому что избивание с его стороны, скорее всего, суд расценил бы как вооруженное нападение, у него был кастет, и срок за это грозил бы немалый), он не забыл захватить всю наличность, которая на тот момент оказалась под рукой, и теперь по его расчетам денег должно хватить надолго, если, конечно не швырять ими направо-налево, но он давно вышел из того несерьезного возраста, когда не знаешь цену деньгам.

Потом он сел за её компьютер, вышел в интернет и попытался найти хоть какую-то информацию на сайтах в отделе криминалистики из своего города. Покопавшись в интернете некоторое время, он все же вышел на интересующую его информацию и был несказанно рад, узнав, что начальник полиции, которого он оставил в тяжелом состоянии, выжил и даже вышел из комы. «Слава Богу, – подумал он, с облегчением переводя дух, и буквально ощутил, будто тяжелый камень свалился с души. – Хотя он и мерзавец, но я же не убийца, и было бы тяжело жить с этим, если бы этот ублюдок...»

В передней хлопнула дверь. Он поспешно выключил компьютер и развернулся на стуле лицом к двери в ожидании...

Она вошла. Увидела его, улыбнулась, подошла и, нагнувшись, поцеловала в лоб.

– Я весь день на работе думала о тебе, – сообщила она, не переставая улыбаться. – Несколько раз главврач делала замечания за то, что рассеянна, Катя, говорит, тебя сегодня не узнать... Влюблена, что ли? И я сказала ей – да, я влюблена...

– А я твоим компьютером воспользовался, – признался он. – Без разрешения. Интернет нужен был, узнать кое-что...

– А как ты пароль узнал? – спросила она.

– Вот здесь записано, – показал он ей бланк рецепта, на котором выписывают обычно рекомендованные лекарства для больного. – Я наугад попытался, оказалось, угадал.

– Да, я такая забывчивая, – призналась она, – порой неделями не выхожу в интернет, что мне там делать? И могу забыть, вот и записала, чтобы был перед глазами... Ты посиди, ладно, я в магазин сбегая, я скоро...

– Не надо, – сказал он. – Я уже сбегал. Посмотри в холодильнике, если что-то забыл, сбегая еще раз...

Она удивленно глянула на него, подошла к холодильнику, открыла дверцу и ахнула.

– Но зачем?! – несколько деланно возмущилась она. – Ты же у меня дома...

– Вот еще... – сказал он, решительно поворачиваясь к ней спиной, вновь включая компьютер, давая знать, что продолжать разговор на эту тему бессмысленно.

– Ладно, – сказала она. – Сейчас приготовлю обед. Ты что хочешь?..

Закир остался жить у Кати, он еще не решил, как поступит в дальнейшем, но уже все сильнее с каждым днем привязывался к этой милой и очень простой, бесхитростной девушке. А она, влюбчивая по натуре, уже по уши влюбилась в него и старалась изо всех сил, чтобы он чувствовал себя у неё комфортно, как у себя дома, не как в гостях, тонким девичьим чутьем она понимала, что это, пожалуй, главное в их отношениях на сегодняшний день: если он себя будет чувствовать раскованно и вольно, их отношения могут продлиться, и тогда радости и счастья её не будет предела...

В первые дни Закир старался не думать о том, что будет в дальнейшем, в голове его царил хаос, он не мог выстраивать свои мысли, чтобы планировать свои шаги на будущее, но снова и снова с тоской вспоминал свой родной город, страхась даже помыслить, что может случиться с ним, если ему не удастся вернуться домой. По ночам ему снились улицы города, по которым он любил гулять, родной дом, соседи, друзья и товарищи по работе в строительной компании, где он пребывал последние двенадцать лет и был на хорошем счету у начальства, несмотря даже на свой вспльчивый, неуживчивый характер, его ценили как хорошего специалиста по дизайну помещений и он был востребован, заказы бывали разные от городских квартир до загородных дач и вилл, до офисов различных кампаний. Он отлично справлялся, и теперь тоска по родному городу, из которого он почти не выезжал, если не считать детские и отроческие годы, когда вместе с покойными родителями всей

семьей они уезжали на летний отдых то в Кисловодск, то в сельские благодатные районы страны, смешивалась также с грустными воспоминаниями покинутой работы, по которой тосковали руки, тосковала душа. Нельзя сказать, что Катя очень уж сдерживала его, держала в этом чужом городе, но и это зародившееся к ней чувство уже крепко заронилось в его сердце, заставляло его сердце чаще биться, а мысли метаться между любовью к ней и к своему родному городу. Он по натуре был влюбчивым и быстро привыкал к женщине, если она по настоящему нравилась с первого взгляда, и потом оторваться от своей пассивности ему бывало нелегко, необходима была какая-то встряска, неблаговидный поступок с её стороны, что и послужило бы поводом для расставания. Но в данном случае поводом и очень сильным для расставания могла быть его любовь к родному городу и нежелание жить вдали от него, от любимых улиц, парков и скверов, родного дома, приморского бульвара, на который он почти ежедневно выходил. Он считал, что его земляки, живущие в одном городе с ним, обладают широкой, открытой душой, и это непосредственное влияние моря, на берегу которого они живут, широкое, безбрежное, насколько охватывает взгляд, море делало и людей с такой же широкой душой, с распахнутым, любвеобильным сердцем, и жить среди таких горожан было приятно и радостно, хотя, конечно, всякое бывало, люди разные, непохожие друг на друга, но в целом это была правда: этот народ был с открытой душой навстречу всему доброму, светлому, всему хорошему...

Между тем, нельзя было жить у Кати и постоянно бездельничать, бить баклуши, надо было чем-то заняться, устроиться на работу, зарабатывать деньги. Оставшись без любимого дела, лишившись возможности продолжать трудиться, как он привык за всю свою сознательную жизнь, Закир стал ощущать свою ущербность, что с ним не бывало никогда, свою ненужность. Он затосковал, стал искать работу, сначала по специальности, позже – какая попадется, лишь бы не чувствовать себя приживальщиком, тунеядцем. Со стороны Кати и намека не было на то, чтобы он стал бы искать работу, она считала, что её заработка вполне хватает им двоим, но чувствовала, что его угнетает что-то невысказанное, чем он не мог поделиться с ней, понимала, однако, что он, не привыкший жить за чей-то счет, может даже не вполне чувствует себя мужчиной, очутившись в таком положении. Ей было безумно хорошо с ним во всех отношениях, и она, пока с его стороны не было высказано ничего о том положении, в котором он находился в данное время, боялась, опережая события, даже произносить какие-нибудь слова успокоения, чтобы он не ощущал себя бездельником, сидевшим у ней на шее.

Все чаще у него возникала мысль, что надо уехать, вернуться домой, жить у себя дома, не прятаться и будь что будет...

Но пока он просматривал объявления о приеме на работу, заходил в различные строительные фирмы, предлагал свои услуги, проходил собеседования и ждал результатов, все еще в растрепанных чувствах, не совсем уверенный, что правильно поступает: ведь это означало, что он хочет обосноваться здесь... А хочет ли? Он жил у Кати уже три месяца, но все еще не мог точно ответить на этот вопрос.

Наконец, ему удалось найти работу по специальности в одной из компаний, занимающейся оформлением помещений. Его направили в загородный дом одного известного в городе олигарха, и он поехал, встретился с хозяином, выслушал его желания, предложил свое решение, очень грамотное, профессиональное, но абсолютно далекое от того проекта, которое хотел заказчик. Закир стал горячо доказывать пожилому хозяину дома, абсолютно лишенному знаний в области дизайна, но упрямо настаивавшему на своем, что он ошибается, и можно сделать гораздо лучше, современнее, красивее, но тот и слушать не хотел, и, вконец, оба, разгоряченные спором, перешли границы и стали оскорблять друг друга, после чего заказчик пожелал выкинуть неуживчивого дизайнера из своего дома и позвал своих громил, и Закир моментально полез в драку, побил одного из охранников, рвался начистить морду

хозяину, но в итоге был избит и выкинут на улицу. И только он очутился на улице, пошел проливной дождь – как небо прорвало – и он весь мокрый и грязный, с разбитым лицом, поплелся к автобусной остановке, а хозяин виллы в эту же самую минуту говорил по телефону с хозяином компании, куда поступил Закир, так безуспешно начавший свой первый рабочий день.

– Ну почему ты постоянно лезешь в драку?! – возмущалась Катя, увидев его в таком плачевном виде. – Разве нельзя было по-человечески объяснить...

Он молчал, хмурясь, не глядя на неё, молчал, молчал...

– Я так была рада, что ты нашел работу, – тихо проговорила она. – И вот...

– Считаешь, что я сижу у тебя на шее? – спросил он. – Не беспокойся, у меня есть деньги...

– Как ты можешь говорить такое? Ну почему у тебя такой характер, почему не можешь уступить, согласиться, сделать по-хорошему?

– Да потому что они не правы!

– Ты прости меня, ты старше и умнее, опытнее, но сейчас ты рассуждаешь, как ребенок. Люди каждый день с утра до вечера десятки раз бывают неправы, лгут, и никто из-за этого не лезет в драку. Надо уметь ладить с людьми. Что ты молчишь? Убери руку, я приложу примочку...

– Не надо, – понурив голову, проговорил он усталым голосом. – Давай-ка лучше пойдем прогуляемся...

– Прогуляемся? – удивленно спросила она.

– А что ты удивляешься? Погуляем. Здесь некоторые улицы и сквер возле Макдональдса напоминают мне мои любимые места в моем городе.

Они сидели на скамейке в парке, и она говорила ему:

– Нашу поликлинику переоборудовали во временный стационар из-за Ковида, сейчас растет количество больных вирусом, много смертей. Делаем прививки, вакцины, но кажется, это мало помогает... – она тяжело вздохнула. – Персонал болеет, одна наша медсестра умерла, молодая...

– Ты будь осторожна, – сказал он. – Береги себя.

Она подняла на него глаза, поглядела пристально, словно в душу к нему хотела залезть и спросила:

– Ты любишь меня? – и затаила дыхание в ожидание ответа.

– Не знаю, – помолчав, откровенно признался он.

Она отвернулась от него, посмотрела, как люди на автобусной остановке садятся в автобус.

– Пойдем домой, – сказала она. – Уже поздно. Я спать хочу. Устала.

Она хотела встать, но тут он взял её за руку и потянул обратно на скамейку. Она удивленно посмотрела на него.

– Что? – спросила она.

– Катя, я решил уехать, – сказал он. – Я все это время обдумывал свое решение, но теперь оно твердо. Я должен уехать домой. Ты должна понять. Я не могу жить без своего города, мое сердце осталось там, даже не полсердца, а все сердце целиком в моем родном городе.

– А разве это не опасно? – осторожно спросила она. – Тебя ведь могут... Или нет? Уже нет?... – с надеждой спросила она.

– Не знаю, – сказал он. – Наверно могут... Но... будь что будет. От судьбы не уйдешь. А жить без своего города я не могу, я задыхаюсь... Пойми.

Он уехал вечерним поездом, и через сутки был дома, и казалось ему, что он покинул свой город не несколько месяцев назад, а целую вечность, целую вечность...